

ТАЙНОПИСЬ

Мой философский камень — ключ,
хранящий ИМЯ. Он горяч,
колюч, как ёж, и многоигл,
он тайный бред моих сивилл,
танцующих вокруг костра...
Их песни — жара чистота,
и смех, и леденящий вой,
и шёпот рун. Сей частокол
лучистых ровн моя броня,
подковы моего коня
из лада рифм и дроби ритма,
в прожилках огне-лазурита.
Коня нагайкой не хлещу,
лишь тихо глажу по плечу.
Вечерне-утренней зарёю
пускаю друга к водопою.
А там, на донце и в розетке
лежит мой ключ, как ёж морской,
животрепещущим алмазом.
И пьёт водицу конь гнедой,
кося одним лиловым глазом.
Смолкает эхо вдалеке.
А ива золотою веткой
выводит ИМЯ на песке...

ПЕРЕКЛИЧКА С ТЮТЧЕВЫМ

*«Ужасный сон отяготел над нами.
Ужасный, безобразный сон:
В крови до пят мы бьёмся с мертвецами,
Воскресшими для новых похорон»*, —*

сказал Поэт. Два века миновало,
а воз и ныне — там. Возничий — здесь.
И мертвецы всё также набивают
мошну. Реклама, бизнес, секс.

* Строфа из стихотворения Ф.И.Тютчева

Чужое, обескровленное слово,
сплошь сокращения: СПИД, ЛГБТ...
Не сон, а явь. Вместо икон — айфоны,
эмоции из смайликов в строке...
Равняемся на Запад, на Восток ли —
со всех сторон теснят и там и тут.
В мертвецкой ждут прожорливые «боги»:
когда? Когда?! Когда им поднесут
отрубленную голову России
на блюде синем с золотой каймой...
А Землю покидают звери, птицы,
хранители, спешащие домой.
Леса порублены, отравленные реки —
счёт банковский пополнился! Мертвец
хозяином расселся в человеке
и скалитя: «Я здесь теперь жилец!»
Оттачиваю колышек, готовлюсь
(в крови до пят, что ж, нам не привыкать)
без спешки, зряшным словом не обмолвись,
без промаха и смайлика — вбивать.

БЕРЕГИНЯ

Любила носить длинные платья,
гладить конскую гриву,
плавала голой в реке...
Потому что
было неважно
смотреть телевизор,
водить машину,
считать квартплату и видеть гибель
дерев,
рек,
птиц...
Смотреть,
как плодящиеся полулюди,
считая и продавая,
дышат тем, чем дышать невозможно, —
чем-то невидимо чёрным...

Она не могла,
она задышалась,
потому что
носила длинные платья,
плавала голой в реке,
легко отдавалась
не за деньги, а просто так...
Как земля принимает в себя
и отдаёт назад —
совершенно другое,
ЖИВОЕ...
А потом... вынимала из сердца стрелу —
очень больно.
Хоронила её глубоко,
навсегда,
с улыбкой,
А сверху высаживала незабудки...

ЗЕМЛЯ-НИКА

В.

Мальчишки бежали —
пострелы...
«Земляника, — кричали, —
поспела!»
Земляника к земле никла,
алела в твоей ладони
каплями крови,
скрывая линию Жизни...
Сбиты верхушки трав
веткой в твоих руках,
будто сабелькой.
Мальчишки...
Как жаль,
ведь не знал ты —
берёза росла из моей спины,
обоих питая силою.
Светило всходило и заходило,
сияло и меркло...
С разных планет —
разминулись с тобой на двадцать лет
по земным меркам.
Север и Юг не сойдутся вдруг
и не расстанутся,

обвенчанные,
на страже полярной вечности.
И, может статься,
меж Полоцком и Берестьем
есть заповедное место:
с травой, стеною растущей,
как в БелаВежской пуше,
в оправе корней древесных
озеро среди леса...
Там ты рождаешься вновь
между моих ног,
с маковкой золотой,
обвитою тишиною...
С рук моих шуе-десных
буселом в поднебесье
сигнёшь из оков и... был таков!
Перья — они же стрелы,
а сверху всегда виднее:
«Земляааа... Никааа! ...пелааа!..»
Сорви-головые бегут к дому
извилистой тропкой,
с горки в овраг и снова в горку...

ПОСЛЕ ПАНИХИДЫ

Рукой твоею взятый снег
с ограды у могилы
был чист и бел, его в комок
ты превратил застылый
и приложил к щеке, ко лбу —
лицо твоё пылало...
Ледок катался по теплу
и таял, таял, таял...
Снежок хотел ты бросить здесь,
но я перехватила
и, глядя на черневший крест,
льдом по лицу водила...
Пах ладаном и жёг огнём,
подтаяв сильно сбоку.
Его я кинула потом,
когда через дорогу
от мёртвых шли с тобой к живым.

Слепящей белизною
поля стелились. Был простым
жест, совершённый мною:
лишь бы подальше от могил...
Двух лиц тепло впитавший
снежок утёк как колобок —
обкусан, но бесстрашен.
Сойдут снега, проникнет луч
во тьму земли желанной,
взойдёт с травой и первоцвет
моей двуликой тайны.
Ты не заметил чар моих,
могил ты не боялся,
шёл впереди и про себя
кому-то улыбался...

ВОЛНА ВОЛЬНА

Волна, волна, — гуляй, вольна,
от карельского валуна
до рипейской Яйык-реки,
и ты, вольна, реки-реки
о Зарни-сватье, о Бабе златей,
с квиткой и свитком,
оповитыми
млеком БелВодья,
мёдом Угодья...
Ты расти на волюшке,
вирья Свирьская,
от карельского валуна
Нёвы питерской,
от ворот Тверцы
до Нёглы-невольницы
и сестрицы Москва-реки,
и ты, волна, реки, реки
о камне Уара в Бору старом...
Яром славным, вольна,
да от Толги вниз,
ты к Почайне, шальна,
струись!

Не молчи, Сура, мчи
вдоль поlynных степей,
в такт копыт коней,
волнь ковыльную!
Ветра жар вплетай
в водный вал, свивай
слово вольное
в песнь народную!
Ты журчи, вольна,
ты гуди, волна, долго
во всю ширь Волги
об Утёсе в Горках,
где гора Дурман,
в сто сажень Курган...
Волна, волна, — вставай, вольна,
с Самарского дна!
Ты реки, волна, перекатами
об Урале,
смарагдом богатом!
В пенном уборе
из Ори в Тобол,
Омью катись
в Ирей-тишь — Иртыш!
Рябью по Таре
от-зовись...
Межной-ОМежной
во льдах Оби
о волюшке шепотни,
снежно-ОНежно...
Белым сугробам,
чтоб стали не гробом,
а тёплым Домом,
озёр Путоранских
ОКОЁМОМ...
Тори, реки, да не напрасно!
Гори, вольна, ясно,
Красно-ЯРско,
чтоб не погасло!

ПИР

В. Орлову

Что пир без примуса?
Любви забавы чужды тому,
кто пьёт отраву словес,
сквозящих пустотою бессмыслицы...
Но, впрочем, вам секрет открою:
помимо *примуса* необходима *люстра* —
на них и держится Любви искусство.
И кто его постиг, тот на Пиру
сидит по праву руку Агафона...
Сократ слыл дураком и яд цикуты
считал бальзамом для души,
а для последнего все раны хороши.
На то и примус с люстрой, право Слово!